

На следующий день, после того как пересняли сцену боя на боксёрском ринге, съёмочные группы А и В объединились, чтобы снять сцены, где пересекались основная и второстепенная сюжетные линии. А-Пэн был мелким мошенником, по уши в долгах. Ещё до того, как с ним связался сяо Мэн, он постоянно кланчил деньги у всех вокруг. В конце концов, даже его закадычные друзья с боксёрского ринга, едва завидев, стали прятаться от него.

Лекарства для лечения лимфобластного лейкоза стоили дорого. А-Пэн потратил все свои деньги, чтобы купить их для сяо Мэна, и остался без гроша в кармане. Тогда он решил переключиться на новую официантку в баре на подпольном ринге — а-Чжэнь. Официантка была красивая, но не очень сообразительная. После каждой продажи ей приходилось долго считать деньги на калькуляторе, чтобы убедиться, что её не обманули.

Цао Е стоял за монитором и смотрел, как Лян Сычжэ играет с Цинь Чжэнь-Чжэнь. А-Чжэнь стояла за стойкой бара, склонившись над калькулятором. Только что клиент купил бутылку ХО и бутылку виски, бросил на стойку пачку долларов и сказал, что сдачи не надо. А-Чжэнь, подсчитывая курс обмена, решила, что денег не хватает, и нервно жала на кнопки калькулятора. А-Пэн, весь в поту, спустился с ринга после проигранного боя. Он подошёл к стойке и заказал бутылку пива. Увидев доллары на стойке, у него в голове созрел план.

— Столько денег, — сказал а-Пэн, поставив бутылку пива на стойку и лениво ткнув пальцем в доллары. — Клиент оставил чаевые?

— Какие чаевые! — А-Чжэнь подтолкнула к нему калькулятор. — Посмотри, мне кажется, он дал меньше, чем нужно.

А-Чжэнь снова начала считать на калькуляторе. А-Пэн оглядел её с ног до головы. Новенькая официантка была действительно хороша собой. Он положил руку ей на плечо, взял калькулятор и начал беспорядочно нажимать на кнопки:

— Ты неправильно считаешь. Надо вот так, — он ловко притворился, что считает, и выдал результат. — Вот видишь, он тебе ещё и переплатил.

Он был красив и умел пользоваться своей привлекательностью. Приобняв а-Чжэнь, он наклонился к ней поближе и вытащил из её руки купюру:

— Я помогу тебе скрыть это от начальника. Это тебе за молчание, не стесняйся. — С этими словами он зацепил пальцем бретельку её топа и слегка оттянул её. Бретелька с тихим щелчком вернулась на место. Он вытащил ещё одну купюру. — Это я у тебя занимаю, потом верну, ладно?

А-Чжэнь покраснела от его действий. Когда она пришла в себя, то поняла, что в руке у неё остались только две купюры самого мелкого номинала, которых не хватало даже на то, чтобы покрыть стоимость пива. Эта небольшая сцена была не сложной, но её переснимали несколько раз. Цинь Чжэнь-Чжэнь была красива, но играла немного деревянно. К счастью, её героиня, а-Чжэнь, как и сама актриса, была не очень сообразительной красоткой, поэтому это не слишком

бросалось в глаза. Ду Чжуй подошёл к стойке, встал рядом с Лян Сычжэ и стал объяснять Цинь Чжэнь-Чжэнь её роль:

— В сценарии этого не написано, но ты должна понимать, что тебе нравится а-Пэн. Иначе зачем тебе просить какого-то хулигана помочь тебе посчитать деньги, когда вокруг столько людей? А-Пэн обнимает тебя, нажимает на кнопки калькулятора, и, по логике, ты не настолько глупа, чтобы не заметить, что он считает неправильно. Почему же ты не замечаешь? Потому что, когда он тебя обнимает, у тебя голова идёт кругом, вот ты и не обращаешь внимания. Так что тебе нужно ещё поработать над своей реакцией в этой сцене.

Цинь Чжэнь-Чжэнь энергично закивала. Ду Чжуй вернулся к монитору и скомандовал:

— Мотор!

Сцена снималась заново. Лян Сычжэ семь раз обнимал Цинь Чжэнь-Чжэнь и четыре раза оттягивал бретельку её топа. Цао Е стоя за монитором, наблюдал за рукой Лян Сычжэ, лежащей на плече Цинь Чжэнь-Чжэнь.

Лян Сычжэ очень реалистично играл пальцами. А-Пэн мастерски пользовался своей привлекательностью, поэтому, обнимая официантку а-Чжэнь, он большим пальцем нежно поглаживал её плечо, затем просовывал его под бретельку топа и слегка оттягивал, играя и дразня.

Проведя несколько дней на съёмочной площадке, Цао Е наконец понял, почему Цэн Жань сравнивал актёрскую игру Лян Сычжэ с тонкой и зернистой текстурой фотоплёнки, и почему Цао Сююань сказал эту несколько слащавую фразу: «Лян Сычжэ — это дар создателя кинематографа». Перед камерой Лян Сычжэ был настолько естественным, что невозможно было уловить ни малейшего намёка на актёрскую игру. Например, сейчас, с точки зрения Цао Е, его парень Лян Сычжэ выглядел так, будто вот-вот изменит ему. Цао Е взял расписание съёмок и посмотрел на дальнейший план. У Цинь Чжэнь-Чжэнь было немного сцен. Часть уже отсняли, а оставшиеся должны были занять ещё 10 дней.

Цао Е вышел со съёмочной площадки, достал сигарету, закурил и больше не смотрел на съёмки. Ревновать к бывшей девушке было бы абсурдно, но у него были сложные чувства, поэтому он решил просто не вмешиваться и не смотреть. Завибрировал телефон. Цао Е достал его и увидел входящий вызов от Сюй Аньцяо, продюсера фильма «Роковой выбор». Он ответил на звонок. Сюй Аньцяо сообщил, что работа над спецэффектами для «Рокового выбора» завершена, финальная версия монтажа готова, фильм получился отличным, поэтому они с Цэн Жанем решили подать заявку на участие в Каннском кинофестивале в следующем году.

— Заявку в Канн? — Цао Е держал сигарету между пальцами, облокотившись на перила. Он подумал, что у них слишком большие амбиции, но всё же сказал: — Почему бы и нет?

Рассуждая здраво, Цэн Жань начинал со съёмок культовых фильмов и отлично сработался с постановщиком трюков Сюй Таояном в плане эстетики насилия, поэтому в визуальном плане

фильм обладал художественной ценностью. Коммерческие фильмы не очень ценились в Каннах, но, учитывая художественную составляющую, Цао Е решил, что попробовать стоит.

— Да, — сказал Сюй Аньцяо, — я уже немного разобрался в неписанных правилах Канн. Жюри любит знакомые лица. Пусть Цэн Жань и новичок, но Сычжэ уже получал награду за лучшую мужскую роль в Каннах, так что шансы на отбор довольно высоки. К тому же, попадание в основной конкурс — хороший пиар-ход.

— Раз уж вы хотите использовать тот факт, что Лян Сычжэ — каннский лауреат, — задумчиво произнёс Цао Е, — то, думаю, стоит обсудить это с ним.

Сюй Аньцяо поспешно согласился:

— Я тоже так считаю.

Закончив разговор, Цао Е затушил сигарету, прислонился спиной к перилам и, держа телефон в руке, задумался об участии в Каннском фестивале. Для самого фильма «Роковой выбор» участие в Каннах было бы очень выгодно. Если бы он попал в конкурсную программу, это могло бы открыть ему дорогу на зарубежный рынок. Вот только... «Роковой выбор» был коммерческим фильмом, а не артхаусом, который так любили в Каннах. Что, если из-за жанра фильма он не получит никаких наград? Не начнут ли тогда в Китае снова говорить о закате карьеры Лян Сычжэ?

В этот момент Лян Сычжэ закончил сниматься и вышел с боксёрского ринга:

— Почему ты сегодня не смотрел съёмки?

— Вышел, чтобы ответить на звонок, — Цао Е показал ему телефон.

— А, понятно, — Лян Сычжэ повернулся спиной и, как и Цао Е, облокотился на перила. — А я уж подумал, что ты ревнуешь.

Цао Е неуверенно произнёс:

— К кому мне ревновать...

— Ну и хорошо. Всю оставшуюся половину месяца у меня будут сцены с Цинь Чжэнь-Чжэнь. Было бы проблематично, если бы ты ревновал.

— Не может быть! Я смотрел график съёмок, разве он не рассчитан на десять дней?

Лян Сычжэ посмотрел на него с лёгкой улыбкой. Цао Е понял, что снова попался на удочку Лян Сычжэ, и попытался оправдаться:

— Я просто... случайно посмотрел.

— Ага, случайно посмотрел и подсчитал, сколько дней будет сниматься твоя бывшая. Наверное, старые чувства всё ещё не угасли?

— Лян Сычжэ, тебе обязательно нужно выставлять всё в таком свете? — Цао Е засмеялся. — Ладно, да, ревную, и что?

— Правда ревнуешь, Цао Е? — Лян Сычжэ тоже засмеялся и обнял его за плечи. — Ревнуешь к своему отцу, ревнуешь к бывшей девушке. Раньше я и не замечал, какой ты ревнивец.

Цао Е почувствовал, что не может ничего объяснить, потому что сам понимал — когда дело касалось Лян Сычжэ, он становился довольно ревнивым... Раньше он таким не был. Когда он ухаживал за Линь Хуань, а Лян Сычжэ открыто с ним соперничал, он просто злился на Лян Сычжэ за то, что тот поступил не по-дружески.

— Не ревнуй, — Лян Сычжэ легонько коснулся мочки его уха и тихо сказал. — Ты, похоже, очень нравишься своей бывшей.

— Я не её ревную.

— Вот, другое дело, — засмеялся Лян Сычжэ. — Цао Е, почему ты все время упрямисься?

Через несколько минут началась следующая сцена. Подошёл ассистент режиссёра и сказал:

— Лян-лаоши, режиссёр Ду просит вас пройти на площадку для репетиции следующей сцены.

— Хорошо, — Лян Сычжэ отошёл от перил. — Уже иду.

Перед уходом он добавил:

— Я не договорил, — он повернулся к Цао Е и прошептал ему на ухо: — Но она и близко не любит тебя так, как твой парень, — после этого он потрепал Цао Е по волосам и ушёл.

Цао Е остался стоять на месте, провожая его взглядом. Объединяя эти два предложения, получалось: «Ты, похоже, очень нравишься своей бывшей. Но она и близко не любит тебя так, как твой парень».

Заходящее солнце косыми лучами освещало коридор, отбрасывая длинные тени от оконных решёток на спину Лян Сычжэ. Перед тем как войти в павильон, он ещё раз обернулся, посмотрел на Цао Е, улыбнулся и скрылся за дверью. Играя с Цинь Чжэнь-Чжэнь, даже в коротких сценах, Лян Сычжэ выкладывался на все сто. Дело было не только в актёрской игре Цинь Чжэнь-Чжэнь, но и в том, что он играл с бывшей девушкой Цао Е. У него был достаточный профессионализм, чтобы игнорировать любые внешние факторы, но, когда дело касалось Цао Е, он не мог оставаться полностью равнодушным. Сколько девушек было у его маленького повесы, его не волновало. В конце концов, у него самого за эти годы было несколько мимолетных романов.

Его волновали слова, сказанные Цинь Чжэнь-Чжэнь вчера. Да, он их слышал. На самом деле ему тоже хотелось знать, что значит для Цао Е этот переход от дружбы к любви, и не случится ли так, что однажды их отношения, как и отношения его родителей, пройдут свой срок годности и начнут портиться. Как и на видеозаписи с камер наблюдения, которую он просматривал бесчисленное количество раз, Цао Е снова шаг за шагом уйдёт из его жизни. Люди такие жадные, подумал Лян Сычжэ. Держа в руках бушующий огонь, еще и начинают ждать тихого ручья и вечной любви.

Вечером, по дороге в отель, Цао Е обсуждал с Лян Сычжэ подачу заявки «Рокового выбора» на Каннский фестиваль.

— Подавай, — сказал Лян Сычжэ. — У Цэн Жаня большое будущее. Независимо от того, получит он награду или нет, ему стоит побывать в Каннах.

— Это хорошо и для Цэн Жаня, и для фильма, — сказал Цао Е, озвучивая свои опасения, — но дело в том, что этот фильм не совсем в каннском стиле. Что, если из-за этого...

Лян Сычжэ посмотрел на него:

— Ты боишься, что я буду номинирован на лучшую мужскую роль второго плана и не получу награду?

Цао Е ответил:

— Ага.

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Ничего страшного. Получу я награду или нет — неважно. Я очень старался, играя роль Шрама. Как и в «Красном мужчине, красной женщине», некоторые вещи невозможно контролировать, так что пусть всё идёт своим чередом.

— Получение награды не так важно, — сказал Цао Е, — но я не хочу, чтобы тебя ругали.

— Хм?

— Наверняка найдутся те, кто скажет, что ты получил награду в Каннах только благодаря Цао Сююаню, а без него не можешь получить даже приз за лучшую мужскую роль второго плана. Это раздражает.

Лян Сычжэ, повернувшись, посмотрел на него с улыбкой:

— Ты снова ревнуешь к своему отцу?

— Мне неприятно, когда ругают моего парня, понятно?

Лян Сычжэ посмеялся и ничего не ответил насчёт заявки. Они шли рядом, плечо к плечу, задевая друг друга. Лян Сычжэ выдохнул в ночную темноту:

— Ты ещё милее, когда не упрямишься.

— Эй, ты не можешь постоянно говорить, что я милый, — запротестовал Цао Е. Он давно чувствовал, что это слово ему не подходит.

— Хм?

— «Милый» — это не про меня. К тому же, это подрывает мой авторитет.

— Какой у тебя авторитет? — засмеялся Лян Сычжэ. — Чэн Дуань говорит, что ты талисман Luomeng. Ты всё ещё думаешь, что у тебя есть авторитет?

— Почему Чэн Дуань тебе всё рассказывает?!

Вечером, разобравшись с почтой, Цао Е подошёл к Лян Сычжэ и осторожно спросил:

— Я смотрю, в расписании съёмок на завтра нет боевых сцен?

Его глаза блестели. Лян Сычжэ притворился, что не понимает:

— Правда?

Цао Е уверенно заявил:

— Я уточнил у Сюй Таояна. Его завтра не будет на съёмочной площадке, значит, точно не будет боевых сцен.

— И что?

Рука Цао Е скользнула вниз, к талии Лян Сычжэ:

— Сычжэ-гэгэ, долги нужно возвращать с процентами.

— Ты поумнел, да? — Лян Сычжэ рассмеялся. Он отложил сценарий, откинулся на подушки у изголовья кровати и, выдыхая в такт поглаживаниям Цао Е, сглотнул. — Ладно, давай.

— Когда мы сможем вернуться домой? — Цао Е нежно укусил Лян Сычжэ за кадык, пробормотав. — Я даже следов оставить не могу.

Обладать Цао Е было прекрасно, как и быть обладаемым им. Лян Сычжэ чувствовал, что в этот раз Цао Е выкладывается по полной, постоянно наблюдая за его реакцией, словно стремясь доказать своё мастерство. Они обменивались объятиями, теплом, потом и жаркими, влажными поцелуями. После этого Цао Е крепко обнял Лян Сычжэ, его горячее, частое дыхание опаляло шею Лян Сычжэ. Ему нравилось быть с Лян Сычжэ: разговаривать и молчать, касаться и обнимать, целоваться и заниматься любовью — ему нравилось всё это.

— Подавай, — услышал он хриплый голос Лян Сычжэ.

Он слегка приподнял голову и поцеловал Лян Сычжэ:

— Что?

— Канны, — Лян Сычжэ посмотрел на него. — Давай в этот раз поедем вместе.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130321>